

Сообщение о временном исчезновении Чжань Чжао всё же легло на стол Императора. Вместе с ним государю донесли и о «суеверности» Чжаня, обвинив его в приверженности к учениям о богах и духах.

Бао Чжэн нахмурился, пребывая в глубоком беспокойстве. Каким образом Великий наставник Пан прознал о делах Защитника Чжаня? На самом деле Чжань Чжао нельзя было назвать фанатиком; он лишь признавал существование божественных и демонических сил как объективное явление, никогда не уповая на то, что высшие сущности явятся спасти его из огня или воды.

К счастью, как бы ни распинался Великий наставник Пан, пытаясь выставить Чжань Чжао в дурном свете, Жэнь-цзун сохранял невозмутимость, явно намереваясь спустить дело на тормозах.

«Великий наставник, берегитесь... Вдовствующая императрица вряд ли спустит вам такие речи...» — думал про себя Бао Чжэн.

Нынешняя императрица-мать в ранние годы стала жертвой коварного заговора с подменой наследника на дикую кошку и долгое время скиталась в изгнании. После того как Бао Чжэн и Чжань Чжао помогли ей воссоединиться с сыном-императором, она спокойно занялась делами внутреннего двора. В отличие от своей предшественницы, амбициозной императрицы Лю, вдовствующая императрица Ли не стремилась к власти. В свободное время она лишь беседовала с сыном, рассказывая ему о перенесенных в годы странствий лишениях и наставляя, что подобает и чего не следует делать истинному правителю.

Помимо этих материнских обязанностей, вдовствующая императрица Ли всем сердцем обратилась к буддизму. Она придерживалась строгого поста и ежедневно молилась — и о душах тех, кто погиб насильственной смертью, и о здравии своих благодетелей. Она прекрасно понимала: ни Бао Чжэну, ни Чжань Чжао, ни другим её спасителям не нужны чины и богатства. Они жаждали мира в Поднебесной, но этот груз был слишком велик даже для неё. Единственное, что она могла — каждый день проводить по несколько часов за молитвой, мерно постукивая по «деревянной рыбе».

Великий наставник Пан, надеясь сокрушить Чжань Чжао — правую руку Бао Чжэна, — сам того не ведая, нанёс оскорбление вдовствующей императрице. Чжань Чжао был её спасителем, и он не совершил ничего предосудительного. Прознай императрица-мать об этих нападках, она непременно встала бы на его защиту, пусть и не привыкла вмешиваться в дела двора.

Взвесив всё, Великий наставник решил не раздувать пламя и отступить. В конце концов, вера в божеств не была преступлением — половина империи жила так же.

— Министр Бао, известно ли, каким именно богам поклоняется Защитник Чжань? — спросил Император. — Я слышал от матери, что в одной из даосских школ некогда жил бессмертный наставник, вознесшийся на небеса. Не о тех ли краях речь?

Бао Чжэн на мгновение замешкался.

— Подданному это неведомо. С тех пор как люди из его клана забрали Защитника Чжэня залечивать раны, мне редко доводилось видеть его...

О том, что Чжань Чжао принадлежит к Школе талисманов, лучше было помалкивать. В те годы, когда Фэй Чэнь наделал много шума, немало проходимцев в мире боевых искусств выдавали себя за адептов Школы талисманов, творя бесчинства. Вероятно, именно поэтому Школа талисманов последние тридцать лет вела затворнический образ жизни, не поддерживая связей с миром. Сам же Бао Чжэн в призраков и божеств никогда не верил.

— Вот как... Жаль, — разочарованно отозвался император.

Так история с суевериями Чжэня сошла на нет. Бао Лунту втайне облегченно вздохнул: Великий наставник Пан был крайне опасным и хитрым противником. Впрочем, при всей своей изворотливости, Великий наставник не желал краха империи — в конце концов, во дворце жила его любимая дочь, наложница Пан. К великой династии Сун и лично к государю он питал искреннюю преданность. Пожалуй, это было единственное, за что Бао Чжэн мог его уважать.

***

Тем временем в другом месте Чжань Чжао не знал, то ли ему смеяться, то ли плакать.

Его четвёртая старшая сестра, Мо Тин, обожала возиться с растениями. Как истинная ученица Школы талисманов, она смотрела на редкие травы без того благоговения, которое испытывают обычные люди. Она собирала ценнейшие снадобья, но использовала их без малейшего сожаления.

«По-настоящему сильные растения давно обрели дух, приняли человеческий облик и ушли совершенствоваться. С чего бы им сидеть тут и ждать, пока их съедят?» — говаривала она.

Мо Тин, носившая имя Сюаньтин, могла бы и сейчас быть изнеженной дочерью богатого члена совета Линя из Интянь-фу, если бы не тяжёлая болезнь в четырехлетнем возрасте, открывшая у неё «Небесное око». Увидев, что девочка зрит странные, пугающие вещи, господин Линь выставил её вместе с матерью — своей третьей наложницей — за ворота поместья. Его не заботило, выживут ли две слабые женщины в этом жестоком мире.

Матушка Мо не отвернулась от дочери и не сочла её чудовищем. «Даже если ты порождение тьмы, я выносила тебя под сердцем десять месяцев», — с нежностью говорила она, и эти слова глубоко врезались в память девочки. Два года они скитались, пока их, совсем обессиленных, не подобрал и не привез на гору Фулу нынешний Учитель.

Там она и обучилась врачеванию. Хотя здоровье её матери после лишений осталось хрупким,

сейчас ей было куда лучше, чем в золотой клетке Линя. Они вместе жили при клинике Сюаньтин в Шаосин-фу, и мать помогала взрослой дочери управляться с делами.

По какой-то причине эта четвёртая старшая сестра всегда была особенно близка с младшим учеником. Ещё в горах, заваривая лекарства для матери, она непременно готовила чашу и для Чжань Чжао, чьё тело от природы было подвержено влиянию холодного начала Инь. И по сей день она регулярно присылала в Кайфэн-фу редкие снадобья.

«Всё равно это просто сорняки, которые не смогли стать демонами», — повторяла она каждый раз.

Сейчас Чжань Чжао смотрел на чашу, которую его наставница поднесла к самому его лицу своими точёными пальцами. Он сглотнул, подавляя отчаянное желание вскочить и выдать нечто вроде: «Сестра, у меня срочное дело, засим откланиваюсь, до новых встреч». Они сидели в тени заднего двора в поместье Первого старшего брата, и воздух казался густым от аромата целебных трав.

Чжань Чжао подозревал, что его пристрастие к сладостям — это защитная реакция организма, годами терзаемого невыносимо горькими отварами четвёртой старшей сестры.

— Сестра, может, не надо? — с надеждой спросил он.

Мо Тин ласково улыбнулась:

— Ты ещё спрашиваешь?

Разумеется, выбора не было.

Чжань Чжао уставился на тёмно-коричневую жижу. Желудок предательски сжался.

— Ты слаб телом от рождения. Если бы не боевые искусства, ты бы и шага ступить не мог без одышки. И при этом совершенно о себе не заботишься! Ждешь, когда кости совсем рассыпаться начнут? Такой молодой, а за здоровье не держишься. Пей давай.

Она взглянула на него с напускной строгостью, но увидев тот самый взгляд — смесь детской покорности и затаённой обиды, — тут же смягчилась.

— Ну же, будь умницей. Знаю, что горько, я приготовила сладости...

Она говорила с ним точь-в-точь как с ребёнком, который капризничает над ложкой микстуры. Чжань Чжао мысленно вздохнул. С самого начала знакомства Мо Тин относилась к нему то ли как к младшему брату, то ли как к собственному сыну, хотя разница в возрасте у них была не

столь велика. Она несла это бремя «взрослой» так естественно, что сопротивляться было невозможно.

Он протянул руку, взял чашу, ещё раз сглотнул и залпом осушил её. Он поморщился.

— Горько-то как...

Мо Тин довольно рассмеялась и погладила его по волосам.

— Вот и молодец. Хороший мальчик.

Чжань Чжао лишь едва заметно нахмурился. Слишком много лет прошло, а четвёртая старшая сестра всё так же обещала ему конфету за послушание.

<http://bllate.org/book/17406/1657370>